

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-83-87

Личные и отыменные прозвища в исторической ретроспективе

Юлия Владимировна Щербинина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: jscherbinina@yandex.ru

Статья посвящена генезису личных и отыменных прозвищ как яркому феномену истории языка и речи, имеющему несомненный потенциал для методики обучения и воспитания школьников. Рассматриваются основные разновидности прозвищ, условия их формирования и специфика бытования в разные исторические периоды. Анализируются взаимосвязи прозвищных именований со сходными и смежными явлениями отечественной и европейской речевой культуры. Постулируется целесообразность осмысления прозвищ в методической практике общеобразовательной средней школы. Предлагаются варианты реализации внутрипредметных и межпредметных связей в школьном преподавании дисциплин гуманитарного цикла на основе ознакомления учащихся с историей отыменных и личных прозвищ.

Ключевые слова: *прозвище; дразнилка (речевой жанр); этнофолизм; межнациональная вражда; вербальная агрессия; пейоратив*

Ссылка для цитирования: Щербинина Ю. В. Личные и отыменные прозвища в исторической ретроспективе // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 2. – С. 83–87. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-83-87.

Personal and Eponymous Nicknames in Historical Retrospective

Yulia V. Shcherbinina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: jscherbinina@yandex.ru

The article is devoted to the genesis of personal and eponymous nicknames as a vivid phenomenon in the history of language and speech, which has irrefutable potential for developing methods of teaching and educating schoolchildren. The main varieties of nicknames, the conditions for their formation and the specifics of daily life in different historical periods are considered. The interconnections of nicknames with similar and related phenomena of Russian and European speech cultures are analyzed. The feasibility of analysing nicknames in the methodological practice of secondary school is postulated. Possible ways of the implementation of intrasubject and intersubject communications in the school teaching of humanities are offered on the basis of familiarizing students with the history of eponymous and personal nicknames.

Keywords: *nickname; teasing (speech genre); ethnophaulism; ethnic hatred; verbal aggression; pejorative*

A reference for citation: Shcherbinina Yu. V. Personal and eponymous nicknames in historical retrospective. In *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No 2, pp. 83–87. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-83-87.

Введение. «Прозвище — самый тяжелый камень, которым можно попасть в человека», — считал английский философ Уильям Гэзлитт, имея в виду грубые и обидные именованья, бранные клички как жанровые разновидности оскорбления. В современном представлении само понятие «прозвище» устойчиво ассоциируется с выражением неприязни и унижением личности. В школьной речевой среде прозвища чаще всего используются в словесных нападениях и — шире — в процессе травли (буллинга). Указанные положения мотивируют актуальность изучения прозвищ в лингвистическом аспекте и значимость их

осмысления в методике преподавания родного языка.

Методы. Рассмотрение отыменных и личных прозвищ в исторической ретроспективе потребовало привлечения следующих методов: анализ научной литературы по теме исследования, сравнительно-сопоставительный анализ архивных материалов, дискурс-анализ, метод лингвистической реконструкции.

Результаты. Употребление прозвищ — одна из древнейших речеповеденческих практик. Так, известны негативные прозвища персонажей древнегреческих комедий, вплоть до obscene. Среди бытовавших

в античности индивидуальных прозвищ многие с ярко выраженной негативной семантикой: *Sirabo* (косоглазый), *Balbin* (заика), *Lucro* (обжора). Однако важно понимать, что это были культурно-идентичные прозвища, органично встроенные в общую номинативную традицию Древнего мира, а не «лжеимена», порожденные враждой или презрением.

Впрочем, илжеимена-клички тоже представлены достаточно широко. Наиболее известны бранные и обидные прозвища выдающихся личностей. Например, у Демосфена были клички *Батал* и *Арг*. Происхождение первой точно не установлено: то ли от имени изнеженного флейтиста, который послужил прообразом героя желчной комедии Антифана и напоминал Демосфена чахлостью и болезненностью; то ли от слова *batalos* — вульгарного синонима зада. *Аргом* же знаменитого оратора прозвали, вероятнее всего, за неуживчивый характер (лат. поэт. *argus* — змея).

Аналогично бытование личных именований и в славянских культурах. Так, великий князь Владимир отнюдь не сразу получил почетное прозвище *Красно Солнышко* — в юности он носил оскорбительную кличку *Робичич* — сын рабыни. В былинах Мезени упоминается обида Сокольника, сына Ильи Муромца от степной «поляницы-богатырши», на прозвища *Сколотыш*, *Сколоток*, т. е. не знающий своего отца, внебрачный ребенок. Сравним однокоренные слова: *сколотное* платье — одежда, сшитая из нескольких лоскутов; синоним — *семибачечный*, т. е. неизвестно от кого зачатый (подробнее об этом см.: [Wójtowicz 1986]).

Немало примеров уничижительных прозвищ и в более поздние периоды отечественной истории. Внук Николая I, великий князь Михаил Михайлович, именовался *Мишей-Дураком*. Генерал-губернатора Михаила Муравьева-Вилenskого после подавления польского восстания прозвали *Муравьевым-Палачом* и *Муравьевым-Вешателем*.

Командующего второй Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Зиновия Рождественского подчиненные окрестили *Бездарным Комедиантом*. Когда заводы Урала перешли во владение Алексея Стенбок-Фермора, его мудреная фамилия стала звучать в обиходной речи как *Столбок-Морковь*.

Со временем в разряд оскорблений перешли некоторые личные обиходные

прозвища вроде *Дурак*, *Безобраз*, *Нелюб*, *Ончутка*, которые давались человеку в качестве второго имени-оберега — «от порчи и сглаза». Отсюда такие распространенные русские фамилии, как *Нехорошев*, *Неустров*, *Неклюдов*. В Петровскую эпоху, с введением паспортного учета населения, самые неблагозвучные и обscene (в современном определении) личные имена заменялись более «приличными», этически конвенциональными. В 1825 г. Николай I даже издал особый указ «О замене непристойных фамилий у нижних чинов».

Прозвищами с отрицательно окрашенным значением наделялись и монархи. В частности, английского короля Вильгельма I при жизни чаще именовали не *Завоевателем*, а *Бастардом* — незаконнорожденным. Прозвища другого английского короля — Иоанна — *Мягкий Меч* и *Безземельный* указывали на его военные поражения. Ричарда III за уродство прозвали *Горбун* и *Шалтай-Болтай*. Последняя кличка возникла после сражения, в котором он лишился ног и долго оставался без помощи. Обидные прозвища были и у французских монархов: Людовик VI — *Толстый*, Людовик X — *Сварливый*, Карл VI — *Безумный*. Людовика XI за интриганство прозвали *Всемирным Пауком*. Презрительные прозвища *Бони*, *Генерал Алькова*, *Военный из Прихожей*, *Корсиканский Интриган* принадлежали Наполеону Бонапарту. Луи Филиппу Орлеанскому на склоне лет из-за оплывшей фигуры досталось насмешливое прозвище *Король-Груша*.

Немало подобных примеров обнаруживаем и в российской истории. Петр I в родном отечестве именовался *Антихристом*, а в Европе — *Табачником*. Николай I с легкой руки Александра Герцена звался *Палкиным* за пристрастие к наказанию шпицрутенами. Николая II заклеили *Кровавым*, а в народе обзывали *Полковником*, *Никой-Милушей* и *Николой Дурачком*.

Справедливости ради следует упомянуть, что личные прозвища русских монархов представлены не только пейоративными (неодобрительными, осуждающими), но и мелиоративными (в разной степени положительно оценочными) именованиями. Так, царя Алексея Михайловича называли *Тишайшим*. Император Александр I известен как *Благословенный*, Александр II — как *Освободитель*, Александр III — *Миротворец*.

Самое необходимое европейское прозвище Павла I было *Русский Гамлет*, хотя гораздо чаще его отождествляли то с *Яйцеголовым Уродцем*, то со *Скованным Цепью Медведем*, то с *Сумасшедшим Гигантом на Пути в Бедлам* — именно так изображали Павла на многочисленных карикатурах.

Нелицеприятные клички публичных персона часто связывались в массовом сознании со скандальными фактами и общественно неодобряемыми действиями. Так, Александр Солженицын в период СССР носил оскорбительные прозвища *Солженицер* и *Лауреат Нобелевской премии по антисоветской литературе*, Андрей Битов — *Подпрустик* и *Недобитов*.

Отдельного рассмотрения требует детская, в частности школьная, речевая среда, в которой бытует целая прозвищная субкультура [Капица 2016]. Чаще всего детские личные прозвища образуются от имен (*Лиза-подлиза*, *Наташка-букашка*, *Мишка-ишиска*) и фамилий (Толстов — *Толстый*, Колбанов — *Колбаса*, Малышев — *Малышка*). Специфической чертой детско-подростковой субкультуры является сближение обидных (бранных, оскорбительных) прозвищ с дразнилками как самостоятельным речевым жанром, особым типом оценочного высказывания — близкой к оскорблению обидной рифмовкой.

Показательно, что сам глагол *дразнить* восходит к праславянскому **draznъ* — *драть*, тем самым демонстрируя лингвистическую взаимосвязь с вербальной агрессией. Суггестивный эффект дразнилки достигается многократным повторением и особой распевной интонацией; на уровне содержания — соединением непристойности с абсурдностью и алогизмом. Адресат дразнилки как бы перемещается в «опрокинутый словесный антимир», пространство небылицы и нелепицы.

Особая роль принадлежит именным дразнилкам, восходящим к древнейшим магическим обрядам «повреждения личного имени»:

Федя съел медведя;

Борис-барбарис, на веревочке повис (председатель жирных крыс);

Иван-болван с колокольни упал, три года катился и то не убили.

Однако такие дразнилки-прозвища постепенно уходят из детского фольклора и в настоящее время воспринимаются уже как архаические.

В исторической ретроспективе любопытны также насмешливые присловья и рифмованные дразнилки жителей разных городов. Образованные от имен собственных — названий географических объектов, многие из них сейчас непонятны в связи с ослаблением или утратой исторического контекста:

Москвичи рака со звоном встречали;

Ростовцы озеро соломой зажигали;

Калужане козла в соломенном тесте утопили;

Ладожане шуку с яиц согнали;

Живет в Туле, а ест дули.

Возрастная психология квалифицирует дразнилки, в том числе прозвищные, как элемент субкультурной драматизации, стремление ребенка постоянно «быть начеку» и «держаться в тонусе» сверстников. Кроме того, в групповом общении дразнилка используется для демонстрации коммуникативного превосходства и словесного уничтожения «врага». Дразнилки могут использоваться и для поддержания групповых норм и осуждения «неправильных» (в представлении детей) поступков. Ответной реакцией на дразнилку уточняется знание негласных речеповеденческих правил, проверяется умение коммуникативной самозащиты («постоять за себя»), испытывается способность к словесной игре.

Еще одну группу составляют ксенофобные наименования, в том числе *этнофолизмы* (от др.-греч. *ἔθνος* племя, род и *φῶλος* дурной, ничтожный) — национальные прозвища, этнические клички с негативными значениями, составляющие лексикон межнациональной вражды и способствующие разжиганию розни. Синонимичные и смежные термины — *ксенэтнонимы*, *этнодисфемизмы*, *этнические инвективы*, *национально-расовые пейоративы*, *дискриминационные высказывания*. По цели высказывания и коммуникативной направленности этнофолизм также можно считать разновидностью оскорбления [Язык вражды... 2006; Allen 1983; Klein 2010].

Основная группа этнофолизмов — устойчивые грубые наименования народностей,

этносов, рас, образованные в том числе и посредством перехода имен собственных в нарицательные. Например, во французском языке немало расистских прозвищ арабов, в частности *Abdoul* (ср.: русский — *Иван*). Великая Отечественная война пополнила русский «словарь ненависти» бранным фронтовым *фрицы*. В современном просторечии представитель «нетитульной» нации может уничижительно именоваться *хачик*, *хач*.

Обсуждение. Наиболее важным представляется акцентировать этический аспект проблемы, связанный с адекватностью выбора словесных средств в различных ситуациях общения и уместностью употребления лексических средств учащимися разного возраста.

Прежде всего, следует сформировать у школьников представление о том, что наделение прозвищами — древнейшая традиция, однако сами прозвища очень редко бывают нейтральными, они всегда эмоционально и стилистически окрашены и очень часто обидны для адресата, даже если адресант изначально не вкладывает в них негативный смысл. И с чем бы ни было исторически связано происхождение прозвищ — будь то народные суеверия, политическая борьба или личная неприязнь, — их бытование носит устойчивый характер, они «прилипают» к человеку, создавая стресс и дискомфорт. Исторические примеры выступают наглядными убедительными иллюстрациями данного тезиса и могут успешно использоваться учителем в воспитательно-коррекционных беседах со школьниками.

Помимо этого, исторические сведения о прозвищах способствуют активизации речемыслительной деятельности учащихся, стимулируют их познавательную активность и расширяют словарный запас. Это особо актуально для адекватного понимания отдаленных во времени художественных текстов. Так, общеизвестны, но в настоящее время уже редко употребительны отыменные оскорбительные прозвища (*Каин*, *Ирод*, *Иуда*), в том числе литературного происхождения (*Цахес*, *Альфонс*, *Плюшкин*).

В литературных произведениях XIX — начала XX в. можно встретить и отыменные этнофолизмы, откуда они могут успешно заимствоваться методической практикой

в качестве иллюстративного материала. Например, в рассказе Александра Куприна «Корь» доктор и студент ведут шовинистические разговоры. В частности, студент нападает на евреев, враждебно вопрошая:

...Кто у нас доктор? Шмуть. Кто аптекарь? банкир? адвокат? Шмуть. Ах, да черт бы вас побрал!..

Понимание подобных реплик будет неполным без знания их лингвоисторического контекста.

Необходимо также учитывать, что в целом ряде литературных произведений личные прозвища выступают значимыми характеристиками персонажей, являются важной составляющей авторского замысла, выражают позицию писателя. Этот аспект уже достаточно давно исследуется в отечественном литературоведении (см., например: [Шеваринова 2015; Шелкова 2011]).

Ознакомление школьников с историей отыменных и личных прозвищ может быть нацелено и на реализацию межпредметных связей. В первую очередь это относится к преподаванию русского языка, литературы, истории. Лексический репертуар может быть дополнен аналогичными примерами и расширен за счет смежных лингвоисторических феноменов. Так, особые прозвища, подчас довольно обидные, были у представителей разных профессий: лакей — *Лизоблюд*, столляр — *Сосногрыз*, маляр — *Мазун-Повозун*. В старину такие именованья назывались прозвищами-прикладками.

Среди прочих дисциплин гуманитарного цикла в реализацию межпредметных связей целесообразно включить мировую художественную культуру и основы изобразительного искусства. В частности, можно ознакомить учащихся с выдающимися образцами ранней карикатуры, апеллирующими к личным и отыменным прозвищам, провести параллели между словесным и визуальным образами. Среди хрестоматийных примеров — знаменитый образ *Короля-Груши* Луи Филиппа Орлеанского, созданный блистательным французским карикатуристом Оноре Домье по эскизу Чарльза Филиппона и опубликованный в журнале «La Caricature» (1831).

Наконец, история прозвищ — богатый материал для обращения к персональному зрительскому и читательскому

опыту подростков. Западные специалисты выделяют особое амплуа комического литературного персонажа — «раздавателя прозвищ» (англ. *the Nicknamer*). Иногда его роль вполне самостоятельна — обидеть, унижить другого персонажа, а иногда он выступает в качестве подстрекателя, провокатора ссор. К таким персонажам относят, например, Аллисера Торна из романа Джорджа Мартина «Песни Льда и Пламени» или Мелифаро из «Лабиринтов Эхо» Макса Фрая.

ЛИТЕРАТУРА

Антропология языка: сб. статей. — М., 2012. — Вып. 2.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. — М., 1988.

Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». — М., 1994.

Гиро П. Быт и нравы древних римлян. — СПб., 1995.

Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор. — М., 2016.

Филиппова Т. А. Враг с востока. Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. — М., 2012.

Шеваринова О. В. Прозвища в творчестве В. П. Астафьева: структура, семантика, особенности функционирования // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XX (67) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 т. / гл. ред. И. М. Прищепа. — Витебск, 2015. — С. 166–167.

Шелкова И. А. Прозвища персонажей в произведениях А. Г. Алексина // Вопросы ономастики. — 2011. — № 1 (10). — С. 85–97.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. — Екатеринбург, 2006.

Allen I. L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture. — N. Y., 1983.

Klein A. G. A Space for Hate: The White Power Movement's Adaptation into Cyberspace. — Sacramento, CA, USA, 2010.

Wójtowicz M. Прозвище // Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. — Poznań, 1986.

REFERENCES

Anthropology of the language: digest of articles. Moscow, 2012, issue 2. (In Rus.)

Vinnichuk L. People, manners and customs of Ancient Greece and Rome. Moscow, 1988. (In Rus.)

Gasanov I. B. National stereotypes and the «image of the enemy». Moscow, 1994. (In Rus.)

Giro P. Life and customs of the ancient Romans. Saint-Petersburg, 1995. (In Rus.)

Kapitsa F. S., Kolyadich T. M. Russian children's folklore. Moscow, 2016. (In Rus.)

Filippova T. A. The enemy from the east. Images and rhetoric of hostility in Russian satirical journalism of the early twentieth century. Moscow, 2012. (In Rus.)

Sheverinova O. V. Nicknames in the work of V. P. Astafiev: structure, semantics, features of functioning. In I. M. Prishchepa (ed.), *Nauka — obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy XX (67) Regionalnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavatelej, nauchnyh sotrudnikov i aspirantov: v 2 t. [Science — Education, Production, Economics: materials XX (67) Regional scientific and practical conference of teachers, researchers and postgraduates: in 2 v.]*. Vitebsk, 2015, pp. 166–167. (In Rus.)

Shelkova I. A. Nicknames of characters in the works A. G. Aleksina. In *Voprosy onomastiki [Questions of Onomastics]*. 2011, No 1(10), pp. 85–97. (In Rus.)

Hate speech and consent language in the socio-cultural context of modernity: a collective monograph. Ekaterinburg, 2006. (In Rus.)

Allen I. L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture. New York, 1983.

Klein A. G. A Space for Hate: The White Power Movement's Adaptation into Cyberspace. Sacramento, CA, USA, 2010.

Wójtowicz M. Nickname. In *Drevnerusskaya antroponimiya XIV–XV vv. Severo-Vostochnaya Rus' [Old Russian anthroponymy of the XIV — XV centuries. North-Eastern Russia]*. Poznań, 1986. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия Владимировна Щербинина, доктор педагогических наук, доцент, кафедра риторики и культуры речи, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул М. Пироговская, д. 1. стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Yulia V. Shcherbinina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Rhetoric and Speech Culture, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia